

Кедровый сад Владимира Наумова

Имя Владимира Наумова хорошо знакомо более чем тридцати тысячам жителей Иркутской области: во времена приватизации они принесли свои ваучеры в его фонд «Энергия-инвест».

Фонд не растворился в приватизационной чехарде, он до сих пор существует и выплачивает своим акционерам дивиденды. А это, согласитесь, редкость для нашей страны. В газетных материалах почти двадцатилетней давности имя Владимира Наумова встречается в контексте защиты реки Иркут от трубы, по которой тогдашние власти хотели направить стоки БЦБК, несмотря на протесты экологов и общественности. О его работе в Совете народных депутатов Иркутской области, можно прочесть в мемуарах первого губернатора Иркутской области Юрия Ножикова.

Месяц назад Владимир Наумов стал одним из инициаторов создания «Байкальского движения» - объединения общественных организаций и граждан Иркутска, которые поставили себе цель: не допустить строительство нефтепровода по берегу Байкала.

- Владимир Алексеевич, Вы коренной сибиряк?

Да, я родился в Чите, в семье военнослужащего. Когда мне исполнилось семь, родители переехали в Иркутск. Дедушка жил на севере Иркутской области, в Жигалово, а прадед из Чекана (это на пути из Жигалово в Ковыкту).

- Кто Вы по специальности?

- Первая специальность – радиоаппаратостроение, в 1969 году с отличием окончил Иркутский авиационный техникум. Затем – два курса Иркутского госуниверситета, специальность «Радиофизика». В 1971 году перевелся в Томский политехнический институт на факультет прикладной математики. Специальность называлась «Исследование операций», факультет «Управление производством и исследование операций».

- Практика постперестроечных лет показала, наиболее устойчивый бизнес создавали люди, у которых было физико-математическое образование...

- Я долгое время работал программистом в Сибирском энергетическом институте, с 1975 по 1991 год. Кандидатскую не защитил, поэтому было легче расстаться с институтом. В 1991 году, когда все это началось, семью было совершенно невозможно содержать на зарплату, которую мне платили. Я попал в Иркутский биржевой союз, сейчас он переименован в ОАО «Ермак», где был техническим директором до 1993 года. Работая там, я одним из первых в Иркутске сдал экзамен на право работы на рынке ценных бумаг и получил соответствующий аттестат. Это позволило мне в 1993 году проявить инициативу о создании Байкальского фондового дома (БФД). Тогда же был создан чековый инвестиционный фонд «Энергия-инвест». За счет того, что мы трепетно относились к активам Фонда, в 2000 году они были всего лишь в три раза меньше, чем у фонда «Альфа-капитал». «Альфа» же - один из известных чековых инвестиционных фондов в России, собравший приватизационных чеков почти в 30 раз больше чем мы. В число учредителей БФД входило «Иркутскэнерго». Несколько лет я был членом совета директоров "Иркутскэнерго", Электросвязи Иркутской области, и АНХК. Постоянно был членом совета директоров "Энергии-инвест", само собой. Полную независимость от «Иркутскэнерго» мы получили в 2000 году, перед тем, как эта компания была поставлена под контроль Дерипаски и Вексельберга.

- Чем Вы занимаетесь сегодня?

- Основная моя должность – директор управляющей компании «Дом Владимира Наумова». Кроме того, я член правления Управляющей компании «Энергия-инвест» и ЗАО «Байкальский фондовый дом», председатель Совета Гуманитарного фонда «Байкал, Третье Тысячелетие».

- Владимир Алексеевич, расскажите о Ваших политических «университетах»?

- Моя «карьеря неформала», если можно так сказать, началась с острейшего чувства несправедливости. Весной 1987-го года я узнал, что от БЦБК до реки Иркут будет построен трубопровод для сточных вод. Был круг людей: я, Валерий Зубков, Виктор Модонов, Владимир Блинов. Мы собирали подписи в научных институтах Иркутска против строительства. Тогда же возникла мощная фигура Анатолия Сосунова, который тогда был дворником и по совместительству сторожем в школе. Почему-то мы друг другу не доверяли - я его считал экстремистом, а он меня конформистом. Я вменял ему в вину то, что он сбором подписей на вокзале поставил под удар наш проект (в советские времена любая несанкционированная акция – а санкционированных до 1988 года не было - действительно была опасным актом - НН). По большому счету, я дорос до понимания Сосунова только сейчас. Время прошло. Тогда я был помоложе, не хватало жизненного опыта, гражданского мужества. Мы все в той среде, особенно академической, воспитывались конформистами.

А потом было много очень людей, которые сочувствовали, помогали нам. Я шел напролом, добился встречи с Распутиным. Советовался с Валентином Григорьевичем по поводу того, как нам действовать. Добился встречи с красноярским писателем – Виктором Астафьевым, он даже книжку свою мне подарил, «Царь-рыба» называется, с автографом замечательным. Виктор Петрович мне много чего рассказал, в том числе о правде войны. И он сомневался, что можно чего-то добиться от той системы. Но мы добились. Время такое было. Время работало на нас. Расскажу об одной ситуации. Мы стоим у Торгового комплекса, подходят корреспонденты центральных газет, интересуются, как идет сбор подписей, как дела - а люди стоят, чуть ли не в очередь. Подходит группа людей, говорят: «Вот, познакомьтесь, начальник управления КГБ по Иркутской области товарищ Федосеев Иван Васильевич. Вот он подходит и спрашивает: «Как у вас дела, какие проблемы?». Федосеев мне тогда казался даже либеральнее, чем обком партии. У нас говорили, что по своим каналам связи он информировал ЦК КПСС о происходящем. В конце концов, решением ЦК проект о создании трубы был отменен. Хотя к тому моменту уже пригнали мостоотряд, привезли трубы и прорубили часть просеки. Все было на волоске.

У нас в Академгородке возник Клуб гражданских инициатив. Когда освободился мандат депутата областного Совета народных депутатов, я недолго колебался и дал согласие на выдвижение моей кандидатуры. Выборы были где-то в августе (1988 года. - НН), через небольшое время после 19 партконференции. Тогда Горбачев сказал: почему у нас выборы только с одним кандидатом, должна быть альтернатива. Вот мы и создали официальному кандидату альтернативу. Официальным кандидатом был Бухаров, доктор геолого-минералогических наук из Института земной коры, заместитель Логачева. Я тогда просто был научным сотрудником, неостепененным, в определенной степени изгой, программист – черная кость. Прошли выборы еще по старому закону. Кандидат должен был набрать более 50 процентов от списочного состава избирателей, я набрал 64 процента, а от пришедших на выборы – восемьдесят с чем-то процентов. Бухаров набрал совсем немножко.

Хотя у нас все было по-настоящему, были дебаты. Дебаты проходили в самом большом нашем актовом зале Иркутского вычислительного центра. Господин Фильшин (известный иркутский экономист, впоследствии заместитель председателя Совета министров РСФСР - НН) был тогда арбитром. Потом были теледебаты, первые теледебаты, в том числе, и в стране. Меня привели, напудрили и заставили смотреть на камеру, дали какие-то записки. Я немного подрастерялся, записки поступают, телефонисты звонки принимают. Были такие вопросы: почему Наумов, демократ, отвечает по бумажке? Я говорю: просто не знаю, куда смотреть. Сейчас уже привыкли, проводят эти теледебаты, все нормально. А тогда... Надо было смотреть в камеру, я же неправильно сфокусировал свой взгляд. Бумажки были, но я на них не смотрел. И все это прямым текстом в эфир и выдал. Потом после теледебатов приехал в Академгородок, старики у подъездов стояли и показывали мне большой палец в знак одобрения.

После того, как я победил на выборах, раздается звонок, женский голос: «С вами хочет поговорить Юрий Абрамович Ножилов». И следом: «Здравствуйте! Я бы хотел с вами познакомиться, когда за вами машину прислать». Я говорю: «Я не привык машинами пользоваться». Только на общественном транспорте, любимый вид транспорта – электричка. Денег не хватало, за ягодами часто ездил, собирательством занимались. Пришел к Ножилову, рассказал все, принес наказы избирателей.

И вот я в областном Совете один демократ, а их, из нерушимого блока коммунистов и беспартийных, 249. Это была машина для голосования. Происходило все в зале на первом этаже областной администрации. В первом ряду на правой стороне сидел обком партии – Потапов (Владимир Иванович, сегодня – депутат Законодательного собрания от КПРФ. - НН); на левой облизполком – Ножилов, они сидели через проход. Такое ощущение было, что едва ставится вопрос на голосование, Потапов на какую-то педаль нажимает и - лес рук. Были вопросы, которые мне не нравились или которые я не понимал: назначить того-то и того-то. Вот голосование по человеку, которого я не знал. Объявляется голосование, все «за» и только одна рука –

«против» - моя. Это было психологически очень тяжело, в таком огромном зале проголосовать не так как все остальные. Прошла первая сессия, перед второй сессией раздаётся опять звонок Ножикова. Он говорит: «Что нужно сделать, для того, чтобы вы хоть иногда голосовали «за»? Я говорю: «Ну вы хоть элементарную информацию о кандидатах давайте. Я ведь не в курсе, какую он должность до этого занимал...» Прихожу на вторую сессию. На сидениях разложены листочки, и когда кадровые вопросы решались, я уже голосовал по этим вопросам «за».

Дальше у меня был очень сложный вопрос, связанный со строительством биотехнологического корпуса в Ангарске. Ставили эксперимент: чуть ли не из нефти делали для животных какую-то биодобавку, уже забывали экспериментальных животных. Мы подняли бучу. И я должен был заниматься вопросом об отмене решения о строительстве биотехнологического корпуса.

Подходит время рассмотрения моего вопроса на сессии. И я чувствую, что сессия меня, конечно, не поддержит. Там было всего три-четыре человека, не входившие в номенклатуру. Они задавали «глупые» вопросы: «А зачем кормить коров этой биодобавкой?». Хоть это были вопросы по существу, их проигнорировали. А я, как программист, сразу сообразил, что и в процедурных вопросах не все «чисто». До обеда кворум на сессии был, а после обеда депутаты расплылись. При рассмотрении я сказал: давайте подсчитаем, у нас, по-моему, кворума нет. Не согласились. Я выхожу на трибуну - только два-три человека, то ли воздержались, то ли поддержали. В резкой, категорической форме требую, чтобы обеспечили кворум или я буду обращаться в президиум Верховного Совета РСФСР по поводу того, что кворума не было. Ножиков погнал аппарат депутатов собирать, но кворума-то не было, катастрофически не было. Устроили перерыв в сессии, мол, депутаты пошли «по рабочим вопросам». На самом деле они уже уехали по домам. Через полтора часа собираемся, встает Потапов и говорит: кворума нет, вопрос переносится, на следующей сессии вопрос будет рассмотрен, мы постараемся, чтобы кворум был.

Но к следующей сессии, мы не были дураками, - организовали сбор подписей по институтам, и все эти подписи направили президенту Сибирского отделения Академии наук. Ему скандал был ни к чему, приняли решение о запрете строительства биотехнологического корпуса и решение сессии не понадобилось. Сессия просто проштамповала решение СО АН.

А потом, в 1990 году, я вместе с секретарями обкома избирался на безальтернативной основе. В Академгородке никто со мной не решился бодаться. Я был избран таким же большинством, но не было альтернативы, и это, конечно, меня напрягало. Даже листовки появились «Не допустим безальтернативных выборов!». В этом созыве у нас уже была группа, человек 20-25, которая называлась демократической. В августе 1991 года чуть ли не штурмом мы с Юрой Багаевым брали телевидение, заставили прочитать обращение Ельцина и Ножикова. «За грудки брал» исполняющего обязанности начальника КГБ по Иркутской области. В конце 1993 года наш состав областного Совета разогнали. Тогда я был на стороне Ельцина. Сейчас мое мнение о Ельцине несколько поменялось. Но уже к 1993 году я понял, что моей головой двери открывают, просто используют нас. Я решил заняться бизнесом.

- Владимир Алексеевич, насыщенная жизнь сказалась на Вашем жизненном кредо?

- По поводу жизненного кредо, хочу сказать, что завидую тому процессу освобождения, который произошел на Украине. Я не был свидетелем этих событий, но мой знакомый написал оттуда: «Наконец-то мы не чувствуем себя быдлом». Я туда съездил позже, общался не только с предпринимателями, но и с простыми людьми. События на Украине напоминали то, что у нас было в 1991 году, но у нас было слишком поверхностно. Я спрашиваю киевского таксиста: «В стране что-то изменилось после оранжевой революции?». Он подумал и говорит: «Да, изменилось. Если раньше на меня гаишник сверху вниз смотрел, то теперь он смотрит на меня, как на человека». Часто говорят, что сделать мы ничего не можем. На самом деле мы можем все, и это прекрасно своей жизнью доказал Солженицын. И если вернуться к моему знакомому, украинскому предпринимателю, то он с гордостью говорит: я патриот. И я тоже хочу быть патриотом. Но чтобы быть патриотом, надо гордиться своей страной. Сейчас – пока - я не могу ею гордиться. Надо что-то менять. Я не сторонник революционных преобразований. Я сторонник поступательного, эволюционного движения, но самое главное – избавиться от той лжи, которой все пронизано. Царство лжи у нас самовосстановилось. Мы должны перестать быть политическим быдлом, которым являемся. Хотелось бы нормальной, человеческой жизни – иметь то, что люди имеют в цивилизованных странах. Иметь и свободу, и безопасность. Во время событий годичной давности – «наезда» на меня и мою компанию - я очень хорошо почувствовал свою незащищенность, незащищенность близких, незащищенность нашего коллектива.

Говорят, трагедия повторяется в виде фарса - это можно сказать о нынешнем времени. Я совершенно согласен с Солженицыным: «...никакие не они виноваты во всем, мы сами, только мы». Если упереться, даже

трем процентам, все изменится. У нас все обязательно зависимы. Кто-то через работодателя, кто-то через какие-то подачки, кто-то через собственность. Почему у нас нет независимых судов? Потому что такова система. Независимый суд должен отстаивать права человека на свободу, честь, собственность. А зачем тем, кто наверху, сильный собственник; собственность, которую нельзя отобрать? Иван Грозный возмущался, говоря английской Елизавете: какая же ты королева, если ты не можешь отобрать имущество у своего подданного? У нас любая политическая репрессия сопровождалась изъятием собственности с тех еще времен. И сейчас это в стране делается целенаправленно - ведь предприниматели во всем мире создают экономический ресурс для политической деятельности, для независимой прессы.

- Какие качества Вы цените в людях?

- В людях я люблю искренность, открытость. И вообще: «человеческую жизнь продлевает только человеческая жизнь». Мы должны быть людьми в первую очередь, а потом уже служащими, подчиненными. У меня состоялось знакомство с работами российского философа Мераба Мамардашвили. Они как раз и подвели меня к осмыслению этой проблемы. Люди сами себя загоняют в ловушку: «Я ни на что не могу повлиять». А на самом деле мы можем повлиять. Концлагерей нет, а страх остался. Как в той истории со львом из зверинца. Он долгое время жил в клетке, потом дверь раскрылась. Лев походил по свободе, но так и не смог жить вне клетки. Он вернулся. Но сейчас-то дверь клетки закрылась не до конца. Можно выйти.

Мы отказываемся от своей свободы, отказываемся от самореализации, отказываемся от своей жизни. Те, кто организовал дедовщину, уже давно не служат в армии, а порядки ими установленные воспроизводятся. А героические стереотипы у нас наоборот не воспроизводятся. Детей невозможно сделать нормальными гражданами, зачитывая им кодекс строителя коммунизма. Ребенок должен знать библейские заповеди и иметь перед собой примеры родителей, примеры граждан – таких, как Анатолий Александрович Сосунов.

- Отдыхать успеваете?

- В детстве марки коллекционировал, потом бегом оздоровительным увлекался, обожал ходить в тайгу. На байдарке плавал. Однажды прошли от Песчанки до Иркутска, за три дня.

- Что-то осталось не реализованным?

- Сейчас купил бывший пионерлагерь в районе реки Олха, под Большим Лугом, назвал его «Зеленая горка». Надеюсь, что там со временем будет экологический лагерь для детей. Будут собаки, кошки и все, чего нас и наших детей лишает городская жизнь. Как в мультфильме про Простоквашино: у ребенка должны быть и кошки, и собаки...

Другая мечта - лес. Я видел, как финны бережно относятся к лесу. А у нас вижу, как с лесом обращаются с точностью наоборот – самолеты не могут приземляться из-за лесных пожаров. Мечтаю взять земли для того, чтобы высаживать на ней саженцы. Кстати, рядом с «Зеленой горкой» есть много вырубок, если появится возможность посадить там саженцы сосны и кедра, с удовольствием занялся бы этим.

Автор: Наталья Невмержицкая © Фонд "Байкал. Третье тысячелетие." ОБЩЕСТВО, БАЙКАЛ 👁 5178
02.05.2006, 16:10 📄 319

URL: <https://babr24.com/?ADE=29716> Bytes: 16941 / 16878 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)